

Календарь «СЧ»

«МОЙ ДОБРЫЙ ДОМОВОЙ»

ГАЗЕТА называлась «Пушкинский край». А как ей еще называться, если выходит она в тех самых Пушкинских Горах, что раньше были Святыми Горами? Нет, конечно, я знала — в том и заверила редактора, — когда просилась сюда на студенческую практику, что, как любая районная газета, она жила не стихами и литературоведческими исследованиями, а севом, уборкой, заготовкой кормов.

И все-таки это была не обычная «районка». Потому что после рабочего дня, когда солнце еще высоко, но спала пыльная жара, можно выйти из здания редакции-типографии и — идти. Не по асфальтированной дороге, сторонась «Икарусов», а прямо через лес, по любой тропинке. Все равно не заблудиться — здесь все дороги ведут к Пушкину. Сначала — до камня на развилке: «Прямо пойдешь — в Тригорское попадешь. Направо пойдешь — в Михайловское попадешь». Туда или сюда — какая разница? — все равно выйдешь к Сороти. Огибая Тригорское, она делает стремительную излучину и — прямая, как стрела, — дальше, к дому поэта. Можно сесть на берегу и будет тихо. Как будто не проходят здесь каждый день тысячи людей. Почему не бояться их тут ни трава, ни птицы? Можно разгадывать эту «загадку Михайловского» сегодня, завтра, целый месяц, отведенный на практику.

Можно в сумерках возвращаться не в стандартную туристскую гостиницу, а в комнату с большой деревенской кроватью и маленькими окошками в сад. И находить на столе ужин — сквороду картошки и кружку молока. А еще — и это самое главное! — однажды дверь

● К 80-летию С. С. Гейченко

любого кабинета этой обычной «районки» может открыться, и войдет Семен Степанович Гейченко...

Официальное название его должности — директор Государственного Пушкинского музея-заповедника в селе Михайловском — мало что скажет об этом человеке. Сам он часто называет себя «домовым». Даже в саду возле дома, где живет он вот уже 38 лет, укрепил плиту с пушкинскими строчками:

«Тебя молю, мой добрый
домовой,
Храни селенье, лес и дикий
садик мой...».

Для меня же он — хранитель.

Когда о человеке даже думаешь с заглавной буквы, просто подойти и познакомиться, поговорить, как это делают многие паломники в Михайловском, кажется немислимым. Остается надеяться на счастливый случай. Или готовить его...

Все сбылось. И вечерняя Сороти, и добрый дом тети Насти. И — «Ну, как живете?» с порога. А потом открылась и самая заветная дверь, возле которой было столько исхожено, а терпеливая надпись «Здесь не музей, а квартира, музей дальше» выучена наизусть.

ИХ ОБОИХ опалила война. После боев 44-го года Михайловское лежало в развалинах. Парк изрыт окопами, под вековым дубом в Тригорском фашисты вырыли блиндаж, могила Пушкина в Святогорском монастыре заминирована.

А сапер рядовой Семен Гейченко, бывший хранитель Петергофских дворцов, поте-

рял под Новгородом руку. Не скоро совладал он с этим ударом. Но задача — возродить Михайловское — возродила и его самого.

Их судьбы соединились в 45-м. А четыре года спустя состоялся первый праздник — открытие восстановленного дома поэта.

«Не всякому дано стать истинным музейным работником. Иной всю музейную науку превзойдет, все знает, все умеет объяснить и разъяснить, что, как и почему, но вещи в его руках не оживают, остаются мертвыми. У другого жизнь — во всем, до чего он только дотронется. Трудно объяснить причину этого удивительного явления. «Но это так», — писал в одной из статей Семен Степанович, рассказывая о своих соратниках. Но это прежде всего о нем самом.

Конечно, как всякий профессиональный историк, литературовед, он дотошен в воссоздании деталей быта, обстановки музейных объектов. Но создал он все-таки не музей — заповедное место России.

И хотя здесь тоже есть таблички «Руками не трогать», к Михайловскому можно прикоснуться сердцем. Отстать от экскурсовода, шагнуть чуть подалее в лес — он весь наполнен птичьими голосами. Собрать их сюда, распуганных войной, было одной из первых задач, которые поставил перед собой новый директор заповедника. Это было целое научное исследование — какие птицы пели здесь при Пушкине? Какие росли травы на дугах? Какие цветы посадить возле дома, поставить в комнатах? Какие сорта яблок росли в саду? Как вер-

нуть на старое пепелище анста, возродить колонию цапель?

Четыре десятилетия залечили раны пушкинской земли. Самая сладкая земляника зреет нынче в старых окопах. Но тихонько стонут под ветром ганнибаловские ели — в их могучих телах до сих пор сидят осколки войны. И Гейченко не устает просить экскурсантов: не нужно по-приятельски хлопать «старичков» — тысячи таких прикосновений в день им уже не под силу.

Давно воссоздано все изуродованное войной, возрождено многое из того, что было просто смыто двумя веками. Вот и Петровское — имение Ганнибалов — это уже не просто запущенный то ли лес, то ли парк. Как встарь трубят на гребне высокой крыши диковинный для псковской земли слон.

Планов у директора с каждым годом все больше. Как уговорить рациональных хозяйственников — председателей окрестных колхозов — построить на всем пространстве, что охватывает с высокого берега взгляд, ветряные мельницы? Их видел Пушкин. Значит, должны видеть и мы.

ЕСЛИ вы впервые собираетесь в Михайловское — поезжайте в августе или сентябре. Это время антоновки. Вся Псковщина пропитана ее ароматом. Но, может быть, вам повезет, и вы застанете тот час, когда высокий, сухощавый пожилой человек выйдет по традиции в Пушкинский сад, тряхнет яблоневое деревце — для всех паломников. Это будет вам гостинцем от михайловского домового.

О. ПАВЛОВА.